

УРОКИ ДЛЯ ОРЛИ

(эссе в письмах)

Дорогая моя девочка! Давно прошло то время, когда ты приходила ко мне на урок с папкой для рисунков. Товарки твои и товарищи постепенно рассеялись по свету, ты тоже живешь теперь очень далеко, и мы можем встречаться самое частое раз в год. Однако наша связь не разорвалась. Наши отношения во многом остались прежними, хотя в основном нам приходится довольствоваться только письмами и торопливыми телефонными разговорами. Ты по-прежнему задаешь мне вопросы. Я далека от того, чтобы пытаться руководить твоей жизнью, да ты в этом меньше всего нуждаешься. Обращаясь ко мне, ты обращаешься к моему опыту и ждешь моего мнения с тем, чтобы увереннее, быть может, следовать своему собственному. Я постараюсь постепенно высказать то, что имеет отношение к занятиям, которых ты не бросила.

Можешь воспользоваться тем, что я напишу, а можешь вовсе не принимать этого в расчет: ты уже вполне способна распоряжаться своей жизнью и накапливать свой собственный опыт.

1.

Пожалуйста, относись немного скромнее к бумаге. Ты обычно так и норовишь схватить парчу и бархат, чтобы на скорую руку скроить из них кухонный фартук. От такого фартука толку мало, а когда за стол сядут гости, тебе не в чем будет к ним выйти, разве что в клеенку завернуться.

Научись ощущать вкус соответствия. На дорогой бумаге плохой рисунок выглядит еще более убогим, а испорченный зря ценный материал вызывает жалость и досаду. Чистый лист хорошей бумаги сам по себе почти драгоценность и заслуживает принять образ, созданный и любовью и мастерством. Тогда материал и рисунок будут взаимно обогащать друг друга. Пачкать такой лист случайными неумелыми опытами — расточительство тем более непривлекательное, что в нем говорит необоснованная претензия. Хороший, мастерский рисунок остается таковым независимо от того, на чем он сделан, и может превратиться в предмет восхищения даже обрывок оберточной бумаги.

Для набросков просто используй то, что окажется под рукой.

2.

Рисуя с натуры, особенно людей, животных и растений, постарайся проникнуться логикой форм, прежде всего логикой изменчивости и развития этих форм. Гипсовый цветок или фигура и на бумаге должны отличаться от живых.

Нарисованная ветка хороша, когда в ней чувствуется готовность расти, распустаться, трепетать под ветром. Фигура натурщицы, уперевшей щеку в ладонь, не

должна вызывать сомнений в своей способности распрямиться, встряхнуть головой, зевнуть, вытянуть руку. Пусть ее задумчивость на холсте или на бумаге длится годами и веками — ее не будет принуждать к этой задумчивости насилие — прихоть неумелого художника, беззастенчиво превращающего людей в соляные столбы. Она останется задумчивой по своей склонности, по своему желанию, по естественной причине своего внутреннего состояния.

3.

Ты говоришь, что не хочешь превращать живопись в ремесло? Ты права. Живопись, как любое творчество, как любая наука, — просто путь познания и поэтому не может быть ни ремеслом, ни отдушиной для эмоциональных перегрузок. В каждой картине, даже в наброске, проявляется то, как автор усваивает мир, в каком направлении ведет он свой поиск гармонии и соответствия.

4.

Занятия каллиграфией, рисунком (особенно с натуры) — прекрасный метод для настройки. Почувствуй себя веткой на дереве! Не надо каждый раз готовиться произвести на свет шедевр, удивить мир одним росчерком пера. Только рисуя, ты можешь узнать, как это надо делать. Таков твой способ узнавать. Твоя цель — не показать, а узнать. То же с каллиграфией. Упражнения. Рутинная работа. Она поистине душеспасительна! Сесть и переписывать, писать, писать буквы, знаки — как можно лучше, как можно правильнее, как можно ближе к образцу, к оригиналу. Рисовать модель как можно точнее. *Искать правильность*. Находя ее на бумаге, ты и себя наполняешь ею, начинаешь звучать свободно, чисто, точно.

5.

Рисуя с натуры и стараясь добиться точности, ты не подражаешь природе. Пусть тебя не пугает расхожее мнение. Оно неверно. Ты не подражаешь природе, ты подчиняешься ей — как учителю, как родителю. Ты следуешь ей. Следуя ей, ты и сама становишься этой природой, дышишь с ней в унисон. Не думай о том, как будет выглядеть законченный рисунок, просто старайся все делать правильно, с любовью — к своей модели, к природе, создавшей ее, к совершенству и гармонии. Получай удовольствие от методичности, растворяйся в каждой линии, проживи ее от начала до конца. Тогда все линии, проведенные тобой, станут твоим личным опытом, достоверность которого не может быть оспорена.

Так появляется знание. Ты слышала, конечно, что свобода — в неведении и что, стремясь к знанию, человек только все больше ограничивает себя? Я бы, скорее, сказала, что это другой вид свободы. Стремление к знанию — это стремление от него освободиться, впитать его в себя, чтобы перестать к нему стремиться.

Где кончается познание, начинается музыка.

6.

Есть два компонента, которые своим присутствием придают ценность картине или рисунку, делают их живыми. Это материя, плоть, и это движение. Говоря о движении, я имею в виду не столько его внешние признаки или символы, сколько,

чаще, внутреннюю динамику, присутствие чувства, напряжения — словом, те сложные связи, которые наполняют живописное пространство. В этом пространстве все должно иметь отношение ко всему, любая из деталей — к любой другой детали. Сопружеский магнетизм света и тени, плотности и прозрачности. Ни в чем нет случайного, все пронизано друг другом, все зависимо друг от друга. Где возникает одно, там неминуемо появляется и противоположное. Их отношения создают движение жизни в картине. Присутствие материи придает движению осмысленность, убедительность. Шедевры содержат как одно, так и другое.

Упивайся плотью, но не забывай, что она живая. Отдавайся чувству, но помни: даже облака и звезды имеют вес, и даже ангелам не всегда удается удержаться в горних высях без опоры.

* *
*
* *

7.

Приходилось ли тебе уже думать о том, что искусство означает одиночество?

Твой единственный друг — божество, позволяющее себя любить. Вот и люби его — так, как ты можешь. Люби его в каждом прикосновении света, в выразительности пропорций, люби неповторимость и совершенство его языка. Люби глубину его нежности, равнодушные безличной жестокости, — оно все равно никогда не станет ближе. Оно оставит тебя свободной для новой любви к нему.

8.

Искусство — форма твоей любви. Присвой все, что тебе дорого. Весь мир дается тебе, но ты возьмешь только то, что сможешь взять. Поэтому учись брать.

Не надо спешить. Не надо жадничать. И не старайся смотреть чужими глазами, не старайся кому-то угодить, это не брак по расчету, а в любви, как известно, каждый сам устанавливает правила.

Хочешь плыть — для начала войди в воду, хватит размахивать руками на берегу.

9.

Твои рисунки хороши, но все же в основном это по-прежнему только штудии. Ты словно избегаешь говорить о главном, как будто оно тебя пугает, ходишь вокруг да около, сдвигаешь композицию или валишь ее на бок. Скажи, неужели тебя действительно так страшит необходимость *назвать*? Ты в самом деле боишься поверить себе? Боишься ошибиться? Может быть, ты даже заранее осуждаешь свой выбор? Ты ему не доверяешь, ты не доверяешь себе!

Видимо, поэтому тебе так приятно работать с сюжетом чужих картин и поэтому же у тебя есть такая непреодолимая потребность в учителях, хотя бы и плохоньких: не успеваешь избавиться от одного, ты спешаешь подчинить себя следующему — это мне всегда было трудно понять. Без учителя ты чувствуешь себя не в своей тарелке.

Чего тебе не хватает в твоём деле, так это убежденности. Ты ищешь свободы, но в то же время ждешь, что кто-то примет решение за тебя. Если уж ты действительно настроена жить по указке, по крайней мере будь более придирчива в выборе

дирижера, — все-таки речь идет о руководстве твоим мнением. Возможно, твоей самостоятельности мешает простая душевная лень: мало иметь мнение, его надо еще и подтверждать. Рисунок как раз и есть средство изложить и обосновать свое мнение, придать ему убедительность.

10.

Что ты думаешь о разнице между мужским и женским телом? Она приводит меня в неопишное изумление всякий раз, когда я вижу обнаженную натуру. Немудрено, что мужчины и женщины могут понять друг друга только в очень относительной степени, пока используют для общения нечто вроде эсперанто, искусственный обиходный язык несуществующей общей территории. Какое понимание может быть между разными формами жизни? Что для одного очевидно, для другого — неразрешимая загадка.

Женское тело — одна голая функция. Оно просто напичкано специальными приборами, которые годятся для единственного и предельно конкретного дела. В нем нет ничего, что говорило бы на постороннюю тему, оно всегда выражает только одно, в его непогрешимости — залог бессмертия. Его эстетика функциональна, это прежде всего знак ремесла. Божественного ремесла!

В этом — его бремя, но в этом же и вечное оправдание. Женское тело не бывает некрасивым. Даже старея и дряхлея, оно остается гармоничным. Его совершенство вызывает благоговение, ибо это всегда — женское тело и всегда говорит о том, для чего создано. Спортсменка или балерина может потерять форму, но при этом никогда не перестанет быть женщиной.

11.

Мужчина — другое дело. Его тело свободно от заданной принадлежности. Оно может выражать только то, что наполняет голову. Природная оправданность не спасает мужчину. От него самого зависит содержание его тела. Его красота — в осмысленности, делающей его орудием духа и сознания. Женщину тяжелая физическая работа уродует, потому что искажает, мужчину, наоборот, украшает, наполняя тело смыслом.

Женщине совершенно не обязательно становиться кем-то, ей в любом случае не грозит сделаться меньше, чем женщиной. Она уже — путь в будущее. Мужчине же дано лишь настоящее — «здесь и сейчас» надлежит ему делать себя мужчиной. Значит — действовать.

12.

Собственно, сказанное подводит меня к признанию, что мужскую натуру я нахожу гораздо более интересной с точки зрения универсальности ее содержания. Мужское тело демонстрирует намного больше, чем естественную красоту природных форм. Оно воплощает, прежде всего, независимую силу человеческого ума.

13.

Кстати, ты помнишь мою натурщицу, прелестную старую женщину? Утрата внешнего лоска и обольстительности освободила в ней выразительность другого рода. Сколько спокойного достоинства, мудрой грации, сколько души было в ее изно-

шенности! Она постоянно скорбела о потерянной молодости и красоте, но, будь ее тело упругим и юным, оно вряд ли вызвало бы у меня столько умиления. Новенькая, свежая плоть, в которой «все на месте». Ничего удивительного, если это волнует кровь. Но мне-то нужно нечто большее, уникальное, вызывающее сочувствие, внимание к индивидуальности. Меня-то интересует не роскошь форм, а скрывающаяся за ними неповторимость содержания. В женщине, которая позировала для меня, завораживала проникновенная чуткость ее тела, умная утонченность, подобная той, что превращает прекрасную старую скрипку, потерявшую четкость очертаний и яркость лака, в драгоценность.

Любой поворот ее тела, смена положения всякий раз открывали мне новый смысловой ракурс. Она не переставала удивлять и восхищать меня, ее выразительность происходила от глубины переживаний, а потому казалась значительной и бесконечной.

Потом мне часто приходилось показывать ее изображение разным людям, и я неожиданно обнаружила, что мой выбор модели встречает резкое непонимание со стороны мужчин. Пожалуй, эти листы, которыми я так горжусь и так дорожу, считая их в числе самого лучшего, что когда-либо делала, ни одним мужчиной так и не были оценены или даже просто восприняты серьезно. Наверное, этому есть естественное объяснение. Тем не менее жаль, что это так: явное мужское неприятие в женщине всего, что не может расцениваться как признак функциональной пригодности, заставляет подозревать в мужском сознании узость взглядов.

Хотя, сдается, это не природная, а внушенная ограниченность. Вспомни, к примеру, что одним из профессиональных требований, традиционно предъявляемых в Японии к гейшам, всегда было условие их почтенного возраста.

* *

*

14.

Ты спрашивала меня, чем определяется гениальность. Вообще, как можно опознать гения? Отвечу: только по результату. Если его нет, никакие другие свидетельства не идут в счет. Гений может быть только проявленный — по определению. Гением нельзя родиться, гением делают себя сами.

В мире всегда есть множество людей, наделенных гениальными задатками. Часто мы слышим сожаления о том, что препятствия разного рода помешали чьей-либо одаренности раскрыться в полную силу. Однако, сдается, представление о гениальности включает в себя обязательную способность не зависеть в своем деле от обстоятельств и поворачивать всякую помеху выигрышной стороной. Вовсе не требуется быть гением для того, чтобы уступить предвзятости окружающих или сломаться под давлением суровых условий. Это как раз легко — прежде всего потому, что жизнь щедра на вдохновляющие к отступлению примеры. Вспомни: все мы когда-то мечтали о выдающейся, необыкновенной судьбе. И что же мешало нам больше всего? Конечно, то, что вокруг мы несравненно чаще находили свидетельства поощрения совсем иных интересов и норм.

Кроме того, за слабость никто никогда не осудит, все тебя поймут (ведь этот опыт каждому знаком так или иначе), и даже больше: к твоим услугам целый склад

благозвучных имен, приветствующих твой уход с неустойчивой сцены и одобряющих его с позиций общественного здравомыслия. Тебя не упрекнут в том, что ты спасовала, тебя поздравят с «освобождением от иллюзий».

Тебе известно о каком-нибудь гении, который перестал им быть, потому что устал сопротивляться? Если это так, то мы говорим о разных вещах. «Мог бы стать, но не стал» — тоже не о гении. Здесь засчитывается только дело, доведенное до конца, только результат, а не процесс, который привел к нему. Гений без гениальных творений — слышала ли ты что-нибудь более нелепое?

15.

Для каждого возраста, как и для каждого конкретного человека, существует свой уровень совершенства. Любой масштаб имеет свой собственный предел, поэтому лучше не сравнивать их между собой. Твои детские рисунки иногда бывали просто великолепны. С тех пор они несколько не стали хуже, они остались прекрасными рисунками одаренной восьмилетней девочки. Значит ли это, что сегодня они могут служить для тебя эталоном? И нужно ли оценивать их наравне с творениями настоящих мастеров? Тогда, ребенком, ты делала то, что могла, мастера тоже делают то, что могут, однако стоит ли это сравнивать?

С годами твои возможности возрастают, растут и требования. Твое представление о совершенстве изменяется. Сегодняшний шедевр завтра огорчит тебя очевидными изъянами — не потому, что он стал хуже, а потому, что ты сама сделалась мудрее: ты уже лучше видишь, ты больше знаешь. В каждый момент своей жизни человек делает то, что в его силах, стараясь дотянуться до своего потолка. А потолок становится все выше.

Хорошая же работа всегда останется хорошей работой, потому что когда она делается, она представляет собой предел возможного совершенства.

16.

Есть еще кое-что важное. Шедевр не может появиться на ровном месте: ничего, ничего и вдруг — бац! — шедевр. Создание чего-то стоящего — это вершина настоячивых поисков, и ее высота определяется достоинствами предшествовавших достижений. Каждая твоя работа, каждая новая мысль обрисовывает территорию, на которой однажды суждено родиться шедевр, каждый твой рисунок ляжет в его основание. Ему нужен фундамент, а иногда и внушительный постамент, чтобы не увязнуть под небрежными ногами. Не стоит рассчитывать однажды ни с того ни с сего внезапно поразить человечество: «вот соберусь и напишу»...

Я знаю людей, которые всю жизнь провели в мечтах о внезапном озарении, призванном вложить в их чисто прибранную голову готовую гениальную симфонию, которая потрясет весь мир.

17.

Наверное, я рассказывала тебе о своей знакомой из Москвы. Она — известная органистка и органичный мастер. В Москве есть даже орган, который был построен специально для нее: вся его внутренняя часть рассчитана под ее размеры, под ее рост. Как-то, стоя со мной на служебной лестнице Большого зала Московской консерватории, она рассказывала, что пишет для студентов учебник, потому что ей надоело

без конца повторять все те же элементарные правила, которые кажутся ей самой настолько очевидными, что она и у студентов, естественно, предполагает их понимание: «Я ему говорю: ты никогда ничего не добьешься, если к вершине будешь подползать снизу. Ты сначала поднимись *над* ней, а потом, сверху, сможешь сесть на нее спокойно».

18.

Но предположим даже, что тебе удалось «нечаянно» создать что-то из ряда вон, нечто грандиозное. Ты думаешь, твоя жизнь тут же преобразится: наконец-то все поняли, что ты за штучка и как к тебе надо относиться, тебя ждет блестящее существование, полное почтительного трепета, восторгов и ликования. Ничуть не бывало! Не далее, как завтра, ликование будет адресоваться новому герою, а тебя еще и упрекать начнут. Твой праздник был вчера, а сегодня уже другой день.

Так что если хочешь признания, тебе придется зарабатывать его ежедневно, подтверждая право на исключительность все новыми и новыми достижениями. Вчерашние заслуги в счет не идут. Однажды удавшийся опыт не станет индульгенцией на всю оставшуюся жизнь. Наоборот: он обязывает к дальнейшему движению, делает тебя рабом необходимости доказывать, что дело не в игре случая, ошибке массового вкуса или небрежности ангела.

С этого момента понадобится удвоить усилия, чтобы двигаться дальше, потому что эскалатор, на котором ты оказалась, едет в обратном направлении и, стоит тебе ненадолго остановиться, укатит тебя далеко назад.

19.

Самое смешное, что окружающие тут совсем ни при чем. Доказывать собственную весомость тебе придется в первую очередь себе. Да и то сказать: кто ж тебя принуждает лезть на Олимп? Вот и будешь сама перед собой всю жизнь отчитываться и оправдываться. Чем выше будешь взбираться, тем виднее с высоты будут те, кто преуспел в этом больше тебя.

20.

Говоришь, ищешь себя? Вот и славно. Поищи в своих рисунках. Каждый из них — готовый диагноз с подробным описанием. Какая ты, такие и твои картины. Работай над рисунком — себя сделаешь лучше. Займешься собой — и рисунок выиграет.

21.

Попробуй делать сразу две работы параллельно. И вообще старайся сочетать одновременно разные процессы. Если есть возможность, я обычно так и делаю. Скажем, ты решила заняться натюрмортами — хорошо, поставь сразу два: устанешь от одного, переходи к другому. Пусть они будут совсем разными: по цвету, по композиции. *По существу.* По технике, разумеется, тоже. Это в самом деле очень помогает. Глаз не замыливается, все неточности сразу видны, когда переключаешься.

Хорошо бы к этому еще и несколько набросков делать каждый день. Три-четыре подряд.

Все эти мелочи помогают яснее видеть вещи. Меняя метод работы, ее характер, переключаясь от вдумчивой, углубленной концентрации к моментальным зарисов-

кам движущейся природы, ты постепенно начнешь понимать, что все пути ведут к одной цели, ты обнаружишь, что во всем есть нечто, чем можно пренебречь, а есть что-то существенное настолько, что без этого все остальное превращается в полную бессмыслицу.

* *
*

22.

Руку твою пусть всегда ведет любовь. Она может принимать самые разные виды: сострадания, восхищения, умиления — не имеет значения, что именно скажет твое сердце, важно, чтобы говорить его заставляло искреннее чувство.

Это единственный ключ ко всем секретам. Задай вопрос — и работа даст тебе ответ на все.

23.

Не доверяй кисть своим проблемам. Раздражение, страхи, немощи — плохие советчики в искусстве. Прибереги душевное расстройство для кабинета психоаналитика. Конечно, большой соблазн — превратить холст в отхожее место, да еще публичное, устроить праздник самолюбования, выплескивая на полотно ведра желчи и помоев.

Если взяться за карандаш тебя побудили тревоги или внутреннее недовольство, это значит, что в твоих руках и путь исцеления, преобразования. Лист бумаги или холст принимают на себя проекцию твоей души: здесь ты сможешь рассудить и подчинить свое недовольство, справиться с обидами и смятением.

Не считай, что высокое место освобождает от уважения к зрителю. Предложи лучшее, что имеешь. Какое мне дело до твоих проблем и комплексов — у кого их нет! Ты мне покажи, что ты из них сумеешь сделать. Сомнения пусть останутся за кадром, а выход ищи всегда по ту сторону холста.

24.

Еще раз — не вали с больной головы на здоровую, побереги зрителей, они тебе доверяют.

25.

Меня беспокоит, что ты почти все свои работы оставляешь незаконченными, как будто на полпути теряешь к ним интерес. В чем причина? Тебя разочаровывает сюжет или ты сама? Ты как будто заявляешь: все равно из этого не выйдет ничего хорошего! А я тебе на это скажу: хорошее можно сделать из чего угодно, было бы желание. Да и вообще — имеет смысл чем-то заниматься исключительно ради того, чтобы из этого вышло что-то стоящее. Ты берешься рисовать, проявляешь невероятное усердие и рвение, а потом постепенно сникаешь, у тебя опускаются руки, и ты под любым предлогом бросаешь начатое.

Тебе не нравятся модель, сюжет? Что же мешало понять это сразу?

Тебя утомила однообразная работа? Так почему было не выбрать другую технику? Материал? Формат?

Определи свою задачу заранее. Постарайся еще до начала работы увидеть готовую, законченную вещь, постарайся представить то впечатление, которое она будет производить, и сохрани его в себе.

26.

Полезно усвоить, что с определенного момента у тебя нет выбора. Возможность дать задний ход кончается вместе с чистотой белого листа, ка который ты смотришь. Сделав свой первый шаг, ты этим сразу изменяешь исходное содержание материи. Чем она станет в результате встречи с тобой. Каждое твое вторжение в область неизведанного — не прогулка для моциона, а движение к цели. Если цели нет, то и выходить незачем. К чему открывать рот, если сама не знаешь, что хочешь сказать?

Представь, что у тебя остался последний клочок бумаги, последний кусок холста — для одного-единственного образа. Смотри на него, как на свой последний шанс. Возможно, вся твоя жизнь будет зависеть от того, как ты справляешься. Если и не жизнь, то совесть.

Спасай картину, если чувствуешь, что она умирает. Не позволяй ей появиться на свет бездыханной. Чтобы гордо называться художником, мало уметь лихо орудовать кистью или навалить побыстрее как можно больше. Думай не о том, чтобы выглядеть «настоящим артистом» — в твоих силах им *быть*, — а о том, как дать избранному тобой образу все, что ты сможешь.

27.

Даже самый скромный и беглый набросок хочет стать завершенным целым. Не имеет значения его фрагментарность, условность, он все равно может заключать в себе определенную образную ценность. Пусть это будет лишь часть тела, деталь пейзажа, однако она бывает способна дать ключ к целому миру, стать источником размышлений и новых образов — как мимолетная точная мысль, как вовремя обретенное слово.

28.

Я уже говорила тебе, что первым и главным критерием законченности и ценности картины назову ее убедительность. Ты скажешь, что каждого убеждает свое. Попробуй для начала убедить себя: не словами, а своей работой. Убеждая себя, убедишь и других.

Представь, что ты пришла на выставку или в музей и видишь картину там. Представь, что это работа другого автора. Скажи, нравится ли она тебе?

Ты — свой главный зритель. От себя ничего не скроешь. Значит, придется к себе прислушиваться, уважать себя. Придется с собой считаться. Ты-то себе цену знаешь! Так что придется быть честной.

29.

Не стесняйся опираться на то, в чем чувствуешь себя сильной, что лучше удастся. Это даст тебе уверенность. Расширять свои возможности можно постепенно, осваивать все, что вызывает сомнения, отводя этому второстепенную роль, чтобы при любых условиях основа оставалась крепкой. Главное — сохранить надежность

целого. Вводи новые приемы, закрепляй навыки один за другим, но не бросайся на свои слабости всем телом, как на амбразуру: рискуешь потерять и то, что имеешь.

Видя, что эксперимент грозит провалиться, что ты не справляешься и картина уже готова кричать «Караул!», спасай положение любыми средствами. Поспешి воспользоваться привычными приемами, даже штампами — на то они и существуют. Разрешаю даже хитрить и притворяться. Делай что угодно, но найди выход. Это тот случай, когда позволительно все, что помогает.

Придет время, когда и ты начнешь распоряжаться в своих владениях легко и мудро, но для этого придется изучить их вдоль и поперек.

30.

Рисуй вещи и людей, которых ты любишь, которые тебе нравятся, выбирай сюжеты понятные и притягательные, словом, все то, с чем ты хорошо знакома, с чем успела уже сродниться. Начинай получать удовольствие еще до того, как возьмешься за работу.

Может, кого-то и привлекает гипсовый орнамент — я не из их числа. И не верю в силу принудительного вдохновения. Чужие, предложенные со стороны, сюжеты вызывают чаще всего недоумение и растерянность. Неплохо было бы сначала залюбоваться тем, что ты собираешься увековечить.

Со временем начнешь видеть больше: глаза, как и сердце, открываются постепенно.

31.

Лень — наша благодетельница. Я ленива и поэтому никогда не делаю лишней или бесполезной работы. Лень спасает меня от суеты и не позволяет трудиться в угоду прожорливой помойке.

Я никогда не беру в руку ни кисть, ни карандаш ради пустой тренировки. Только крайняя нужда — острый интерес или предельная зрелость образа — может заставить меня приступить к делу. Пара-другая набросков с натуры — превосходная разминка, дающая к тому же возможность пополнить коллекцию и составляющая прекрасный исследовательский и наглядный материал. Этим я тоже занимаюсь с корыстным прицелом, отсортировывая темы, которые обязательно послужат в дальнейшем. Практика — единственное необходимое упражнение и наилучшая тренировка. Сами по себе механические экзерсисы — как велотренажер: сколько ни крути педали, с места не сдвинешься, если нет колес.

Терпеть не могу тратить время на работу, которая никуда не ведет. Нарачивание мускулатуры — недостаточно сильный стимул. Если нет более веской причины, ее всегда можно найти или создать.

32.

Работа сама создает повод. Стоит сосредоточиться на чем-то как следует, и точка обзора произвольно меняется, с нее начинают открываться новые горизонты, потом еще и еще. Одно наблюдение ведет к другому, а оно тянет за собой следующее — только успевай ловить. Пройдя через одну степень знания, попадаешь к новой.

Так складываются циклы, определяется профиль. Готовый цикл — свидетельство владения определенным материалом. Создание цикла равносильно заявке на собственную нишу. Желаете, чтобы она была удобной, — ориентируйтесь на спрос, вливайтесь в тесные ряды коллег. Если же тебе не нравится ни одна из готовых, всегда можешь устроить свою, особенную.

Но учти, долбить её придется собственной головой!

33.

Слушай, я просто хочу, чтобы ты любила жизнь. Все злые картины — от нелюбви к себе, от досады; все глупые картины — безнадежная бравада на этой же почве.

Прислушайся к себе: чего ты хочешь? Чего ты ищешь? Задавай себе вопросы, размышляй. Спроси себя: зачем мне все это? Найди в себе любовь, придай ей форму, вложи в нее всю себя — и окажется неважным, с чего это началось: с отражения лампы в кофейной чашке, с призывного взгляда, с чахлого кустика в трещине старого балкона или с победной майской грозы в открытом поле.

Не надо иллюстраций к своим мыслям, достаточно, чтобы были сами мысли. Если тобой движет не скука, а голод духа, если ты открыта себе, если себе доверяешь, что бы ты ни делала, все пропитается тобой, твоей мудростью и нежностью, скажет за тебя больше, чем ты сама могла бы сочинить.

34.

Единственное, что нам дано выбирать — всегда, и мы делаем это каждый день — это самих себя. Кто ты? Выбери: между собой и не собой. Выбери себя в каждый момент твоей жизни. Я знаю, что чувствую себя живой только когда делаю лучшее, на что способна. Все остальное — не больше, чем обманчивая тень существования.

Думай о том, зачем ты живешь, думай, как живешь, думай об этом, — но только до того, как возьмешь кисть.

35.

Хочешь, я расскажу тебе, как гудит струна под смычком? Я была струной, я была конским волосом смычка, я была рукой, решающей их судьбу. Только самому лучшему я позволяла выбрать себя.

Это временное переселение души. Ты идешь по улице. Ты не думаешь о маршруте. Тело движется привычно-механически. Твои мысли движутся рядом с тобой, около тебя. Ты несешься в потоке сменяющихся впечатлений. Все проходит мимо, не затрагивая, не захватывая: чьи-то ноги, головы, толпа у светофора, лотки, витрины, машины, перекрестки, стены, стены... И вдруг чье-то вспыхнувшее лицо, внезапно выдвинувшийся угол дома, глухая голая стена над низкой крышей ударят в открытое сердце, оглушат до обморока. Ты рыдаешь, сползая на асфальт, но это место уже осталось далеко позади, и все вновь мелькает в твоих остановившихся глазах. Ты в беспамятстве доходишь до дома и, взглянув в зеркало возле двери, встречаешь там чужое, незнакомое лицо, покрытое космической пылью. Я не знаю, что такое улица, я ничего не помню, меня там не было. Улица сама вошла в меня. Я была стеной, я была углом, я была горячим летним асфальтом. Я не запомнила лица, ударившего меня, но был миг, когда мы жили одной жизнью.

Уйди в узкий луч света, падающий сквозь пыльное мартовское окно, уйди в мерцающую рябь воды под мостом, уйди в застывшую над набережной чайку — уйди в них, уйди от себя... Дай себе освободиться...

36.

У меня на стенке висит старая мандолина. Иногда я кладу ее на пианино, чтобы, сидя в своем кресле, любоваться ею. Я смотрю на нее и думаю о том, какая она красивая. Иногда я раскладываю перед собой на пианино другие предметы: яблоки или апельсины, скрипки, старые толстые книги, ставлю рядом цветы или просто банку с водой.

Это мой камертон.

Я стараюсь понять, что делает эти вещи такими красивыми. Я перекладываю их и замечаю, что их характер и их выразительность меняются в зависимости от их положения относительно друг друга. Что-то одно всегда выглядит важнее всего остального, но без именно такого остального оно не казалось бы столь важным. Все предметы оказывают влияние друг на друга, они связаны между собой чрезвычайно значительными отношениями. В итоге я нахожу такое расположение, в котором все они, словно по волшебству, расколдовываются и начинают говорить со мной ясно и отчетливо. И тогда я, наконец, понимаю, что главный герой среди них — не они сами, а то, что между ними, то, что их соединяет.

Это и есть реальность. Это и есть мой сюжет.

37.

Музыка — единственный вид искусства, в котором на главное место открыто поставлены отношения. Я пишу картины, как пишут музыку, а жизнь пишу, как картину. Ни в искусстве, ни в жизни нет законов, которые не были бы законами отношений. Несогласованность во всех случаях режет и ухо и глаз, и просит изменений.

Других законов знать не надо. Их нет.

38.

Теперь: следует ли остерегаться остановок в работе? Действительно ли к девизу «Ни дня без строчки» надо относиться, как к прямому указанию?

Если ты замечаешь, что тебя «понесло», что ты перестаешь сознавать, что происходит, значит, самое время прерваться, отсидеться на берегу, привести в порядок мысли и заново оценить обстановку. Это лучше, чем захлебнуться в рефлексиях.

Бывают паузы и другого рода. Они вызываются внутренней опустошенностью, истощенностью, моральной усталостью. Тогда тем более следует дать себе передышку. Со стороны это кажется очевидным, но у человека, погруженного в работу, внезапная поломка рабочего механизма чаще всего вызывает приступ сильнейшей паники. На деле временная ставка не подразумевает оснований для мрачных выводов, вроде: «исписался», «выдохся» и пр. Скорее всего, она принесет только пользу. В любом случае я не вижу причины насилия над собой: иногда полезно побыть с зашитым ртом, чтоб узнать цену слова.

Творческая работа ни в чем не отличается от других естественных процессов, поэтому тоже нуждается в соблюдении природной размеренности и цикличности.

Здесь, как в дыхании, выдоху обязательно предшествует вдох, так что время от времени приходится наполнять легкие воздухом.

39.

Возьми в учителя питона. Заглотив корм, он надолго замирает в полной неподвижности, давая пище как следует перевариться. Поспав, он оживляется и приступает к поискам чего-нибудь новенького, свеженького, а накопленные во время сна силы будут использованы им для охоты. Эта простая схема универсальна, те же точно фазы легко проследить и в нашем деле: поглощение материала, его усвоение, активный поиск образа и, наконец, изложение накопленного знания. Классическая сонатная форма жизни!

Заметь: даже цикл сердечной деятельности включает паузу.

40.

Повезло тем, кому хорошо знакомы правила музыкального языка. Возможно, мне без этого было бы труднее оценить в полной мере значение паузы как мощного выразительного средства. Не будет пауз — не будет и музыки. И чтобы пауза приобрела особую действенность, она должна быть хорошо выдержана.

Кроме того, пауза образует необходимую дистанцию.

41.

Дистанция — это свобода, единственный способ избежать мелочности. Хотя бы слегка отстранись, отодвинься — от всего, даже от того, что тебе дорого сейчас: от чувств, ожиданий, от горячки вдохновения, от себя самой, в конце концов. Вынь нос из собственной работы. Все уже продумано, все решено, теперь самое время довериться импульсу. Анализировать будешь после. Отдели себя от действия, с этого момента ты простой механизм в руках провидения, послушный и точный. Действие — орудие спонтанности.

Горячие головы любят путать спонтанность с произволом, хотя в действительности это далеко не синонимы. Спонтанность хороша, когда как следует выверена: жаркие дела нуждаются в холодной голове. Отсюда известный нам из различных примеров обычай уединяться для молитвы или медитации перед началом ответственного действия — будь то выход на поле битвы или на сцену. Так что дерзай!

И перед тем, как поднять руку, не забудь для верности почтительно отступить на шаг.

42.

Как только ты решилась перейти в наступление, у тебя остается единственное задание — довести дело до конца. Не бросай начатого незавершенным. Уж лучше ему выглядеть неуклюжим, чем вовсе не быть доделанным. Конечно, результат может быть весьма далек от совершенства, но прежде он должен хотя бы появиться. Потом, если тебе будет угодно, можешь отправлять его в корзину.

Прекрасную иллюстрацию этому правилу дала мне в свое время игра в теннис (ты, как я помню, обожала когда-то бадминтон, почему бы этим не воспользоваться?). Для игрока, находящегося на площадке, главное условие всегда одно: каждый

мяч должен быть взят, если он не выходит за пределы досягаемости, т. е. если попадет в твоё поле. И для этого дается лишь один шанс — никаких пробных попыток. Когда мяч летит, поздно думать: получится — не получится. Надо бить! Сразу и до конца ты делаешь то, что в твоих силах. Ещё одна простая и наглядная модель жизни, чистая схема взаимодействия с судьбой.

Если для настоящей победы у тебя маловато мастерства, по крайней мере изловчись отправить мяч за сетку, а там уж пусть партнер хлопочет, каким манером и как скоро вернуть его тебе. И ни одного повторения: каждый мяч — новый в твоей жизни, следующий, никогда не тот же самый. Как и каждая художественная работа.

43.

Предположим, ты берешься отработать один прием или один сюжет, делая повторы. Тогда пусть это будет для тебя импровизацией. Развяжи себе руки, меняй технику, план, контрастность, ракурс. Каждая твоя попытка — это ещё одна новая возможность, на которую ты отвечаешь новой картинкой, новым результатом, какого ещё не было раньше. Значит, ещё часть пути пройдена, и теперь ты можешь отталкиваться от сделанного.

44.

Мяч от мяча отделяют доли секунды, но их достаточно, чтобы успеть за это время стать другим человеком. К твоей жизни добавился прожитый опыт: вызов, реакция на него, ответ. И оценка результата. Следующий шаг ты делаешь уже с этой, иной, точки. Изменилась ты — значит, изменились условия. Стало быть, требуется новое решение.

45.

Подражая дальневосточной традиции, кто-то мог бы с лёгкостью квалифицировать то, о чем здесь идет речь, как практику, к примеру, дзен-буддизма. Если европейская терминология тебе ближе, скажи об этом как-нибудь иначе. Разница — в словах. Содержание не меняется, и время для него ничего не значит. Хорошо бы не забывать, зачем ты пустилась в путь, чтобы, доставив домой долгое приобретение, не обнаружить с запоздалым раскаянием, что вместо долгожданного рояля купила себе ещё один холодильник.

46.

Я знаю, тысячи художников живут совсем, совсем по другим правилам. Ты, конечно, тоже можешь быть такой. А можешь и не быть.

47.

Предполагается, что искусство должно доставлять удовольствие, приносить радость. Это действительно так. Вопрос только в том, что считать радостью и какое удовольствие кому доступно.

48.

У каждого свой способ наделять вещи смыслом. Каков масштаб, такова и мера.

Ты сама определяешь назначение и ценность каждой вещи, сообразуя ее с собственным масштабом и находя ей место в своей персональной вселенной. Кто приказывает стулу быть стулом? У тебя он может стать вешалкой для одежды, лестницей или дверной задвижкой. А стулом тебе никто не мешает назначить ящик или подушку. *Все всегда зависит от контекста.* Рабочий консервного завода и продавец фруктов по-разному воспринимают достоинства плодов. И даже для одного человека лимон на ветке — совсем не то же самое, что лимон в чашке или лимон на пианино.

С этими лимонами вообще могут происходить самые странные метаморфозы, например, моей собаке никогда еще не приходило в голову поиграть с лимонами, хотя на вид они уж очень напоминают ее любимую игрушку — теннисные мячи. Однако, думаю, в мире наберется достаточное количество живописных полотен, демонстрирующих отсутствие разницы между тем и другим.

49.

Когда ты внедряешься в первозданное совершенство белой поверхности, ты первым же касанием вносишь в него противоречие. Таким образом, вся твоя дальнейшая работа служит тому, чтобы в итоге привести целое к новому балансу, последовательно разрешая возникший конфликт на всех уровнях: по колориту, интенсивности, глубине и пр. Когда картина приобретет новое равновесие, можешь считать, что она закончена.

50.

Регулируй напряжение на холсте, добивайся живого взаимодействия всех элементов, в каждой мелочи замечай свою логику. Если тебе кажется, что в картине есть что-то неоправданное, отвлекающее, преврати погрешность в дополнительный плюс, пусть работает на выигрыш.

Ничего не бойся. Когда пишешь, забудь обо всех правилах — это твой мир, и тебе в нем все позволено.

51.

Добиваясь нужного баланса, ты раз за разом проходишь заново всю картину. Каждый новый слой, каждое усиление прибавляют ей жизни. Ты постепенно моделируешь и уточняешь глубину, объемы. Чувствуешь ли ты, что живешь внутри своей картины? Чувствуешь ли ты объем каждой детали, как объем собственного тела?

Создавай картину, как создают вселенную, слой за слоем. Пусть на каждом этапе в ней будет своя законченность и стройность, пусть ее существо всегда проявляется как гармоничное целое. Пусть она формируется, сохраняя цельность и однородность, подобно человеку, проходящему фазы роста и созревания.

Важно обратить внимание на кульминацию — это то, что отличает картину от оboев, это вопрос очень тонкого внутреннего распределения акцентов. Индивидуальный характер картины может основываться на композиционном решении, пространственном, цветовом, смысловом или каком угодно другом. Также и главным героем становится либо общий сюжет, либо основное настроение, либо персонаж или

же все персонажи вместе, либо их отдельно взятые отношения между собой, тяготения, движения — чего? куда? — или один только взгляд, или одна выразительная мысль.

Энергетическая плотность ядра держит в своем поле все второстепенные частицы.

52.

В процессе работы над картиной тебе приходится иметь дело с массой всевозможных частных задач, регулировать маленькие и большие конфликты: плоскость и объем, свет и тень, горячее и холодное, живое и мертвое, движущееся и неподвижное. Невозможно (и нужно ли?) заранее предугадать и просчитать все те вероятные каверзы, которые могут тебе когда-либо встретиться. Для этого, пожалуй, понадобилось бы прожить еще одну тренировочную жизнь. Поэтому давай договоримся: справляться со всякого рода напастями ты будешь по ходу дела, на практике.

Технические задачи — вовсе не двигатель искусства, а скорее, его исполнительный механизм. Просто сосредоточься на каждом конкретном вопросе, но при этом не забывай держать в поле внимания целое. Это похоже на тропинку в горах: ищешь, куда поставить ногу, не переставая заботиться о том, чтобы не сбиться с пути.

Любое твоё маленькое решение, любое определенное действие — это еще один шаг на пути твоего самоосуществления. Запомни: в твоих владениях нет хозяев, кроме тебя. Ты придаешь всему значение и ты же отказываешь в нем. Это свой опыт, свои знания ты вписываешь в реальность, это своей жизнью ты наполняешь мертвую материю. Поэтому даже каприз пусть будет твоим персональным капризом (в нарисованном доме окон меньше, чем в настоящем — не потому, что ты их не увидела, а потому, что *ты так решила*). И поэтому же никогда не делай ничего меньше или хуже, чем ты можешь, ведь так ты себя саму сделаешь беднее. Принимай каждое рядовое задание как дополнительную возможность достичь совершенства. Тогда завтрашний день подарит тебе новый шанс и новую способность им воспользоваться. К чужим советам прислушивайся, но решение принимай всегда самостоятельно.

В этом деле единственный авторитет — твой собственный голос.

53.

Кто знает, что правильно, а что неправильно? Правильно все, что тебе нравится, все, что помогает. Тебе остается только решить, *зачем*, — и этим определить свои границы.

А как же законы? Незыблемы одни законы природы. А правила? Все известные правила изобретались каждым для себя. Можешь выбирать. А хочешь, придумай свои. Это как раз тот случай, когда цель оправдывает средства. Не важен способ, важен результат. Если что-то дает тебе возможность получить то, чего ты ищешь, значит, это и есть твоё правило.

Все остальные правила — предрассудки.

54.

Было время, ты жаловалась, что твои работы часто выходят «замученными», что ты вязнешь в исправлениях и тебе никак не остановиться. То есть одно из двух: либо вещь не доделана, либо «замучена».

Эта печаль знакома многим. Иной раз бывает, действительно, что до самого последнего момента трудно определить, сколько еще осталось провозиться: вот здесь надо бы проработать и там тоже, кое-что подправить, не забыть вернуться к фону, по центру слегка пройтись...

Проходит пятнадцать минут, ты чувствуешь, что пора прерваться, передохнуть. Сядишься с чашкой где-нибудь подальше от мольберта, бросаешь на него косой взгляд, по возможности беспристрастный, чтобы заново оценить поле деятельности для продолжения сеанса, предвидишь собственную смешанную реакцию: восторга от того, что уже удалось сделать, и отвращения от неизбежных недоделок и необходимости продолжить утомительный труд. И вот тут — ах! — замечаешь, что картина-то готова! Бесчисленные вопросительные знаки в известных тебе местах как-то сами собой исчезли, растворились, все выпуклое проявилось и выдвинулось. Картина ожила и заиграла. Остались сущие мелочи, какая-нибудь парочка бликов. А возиться-то, похоже, больше не с чем. Работа завершена, и если прикоснуться к ней хотя бы один лишний раз, все тут же опять начнет разваливаться, потребуются вновь приводить целое в соответствие. Это значит, что картину еще раз надо будет прописать заново! Возможно, в этом тоже заключена своя мудрость — нет предела совершенству! Но ведь это будет уже совсем другая картина!

55.

Для того чтобы уметь вовремя остановиться, надо очень хорошо знать, что ты хочешь сказать, и как только это сказано, тут же ставить точку.

56.

Дай себе волю. Позволь себе быть собой. Говори от души: свои слова и своим голосом. Концентрация твоего внимания образует главное направление мысли, а все остальное спокойно отправляется на периферию сознания. В следующий раз, как знать, ты, может быть, выберешь центральным объектом захолустный клочок предыдущего пейзажа, отдав ему почетное и решающее столичное место.

Твоя картина в любом случае сохранит то лучшее, что ты сумела отдать ей. Сколько вложишь в нее, столько там и останется. И теперь уже ты сможешь брать у нее бесконечно: если ты не обманула ее, то и она тебя никогда не обманет.

Искусство обладает спасительной силой тогда, когда берет начало в сердце художника.

57.

На днях у меня спросили, часто ли мои работы бывают удачными. Я ответила совершенно искренне, что у меня все работы удачные, а неудачных я просто не делаю — потому что не нахожу нужным такие делать. Собеседнику долго не удавалось понять, как я могу быть настолько уверена в оценке. Случилось так, что наш разговор услышал сидевший рядом с нами автомеханик. Он вмешался и сказал, что присоединяется к моему мнению. «Например, — объяснил он, — если я ремонтирую тормоза, я ведь совершенно точно знаю, насколько хорошо все сделал. Другое дело, что я смогу, конечно, если понадобится, обмануть покупателя или клиента, скрыв неисправность. Однако сам-то всегда отдаю себе отчет, насколько надежно отремон-

тировал автомобиль. А уж если мне приходится чинить машину для себя, то тут я, естественно, все предусмотрю и за свою работу сам отвечу головой».

58.

Почему бывает так трудно объяснить, что все сделанное в жизни вносится на мой личный, персональный счет и учитывается там же? Неужели, чтобы только убедить общество в своем богатстве, в состоятельности, мы станем расплачиваться фальшивыми чеками? Кому, как не мне, знать лучше других, что за цифры составляют мой бюджет, чего я на самом деле стою?

Я складываю себя из завершенных дел, я отливаю время жизни в своих творениях — кому, как не мне, заботиться об их совершенстве?

Мысль додумана, слово сказано, и дело сделано. Никто мне не судья, ибо только я знаю цену своих богатств. Разве мне нужен самообман? Мне некому пускать пыль в глаза, мне некого обманывать, некого и обличать, кроме себя. Художник всегда пишет только одну картину — автопортрет, поэтому только с самим собой и может ее сверить.

59.

Где тот критик, тот судья беспристрастный, непогрешимый, обладающий точным знанием о надлежащей длине ноги, ширине бедра и объеме талии конкурсантки? И какой аршин запустит он в глубину души твоей бессмертной?

60.

Хочу сказать о пользе черствости и жестокости. Выбирай сама свой долг и сама ему подчиняйся. Не смущайся чванством ближних, не уступай самодурству. Не покупайся на призыв к бытовому состраданию, если на карту поставлено твое предназначение.

Готова ли ты жертвовать судьбой ради чьего бы то ни было удобства? Согласна ли ты расплачиваться за чужой каприз ценой предательства?

Подумай как следует. И полюби слово *нет*.

* *
*

61.

Проза жизни прекрасна, когда она становится поэзией. Говоря же о возвышенном, выбирай приземленный язык. Повседневность полна красноречивых аллегорий, не торопись искать их в воображении. Когда внимательно наблюдаешь за жизнью, она приводит тебя к самым удивительным открытиям, и ты найдешь в ней такую глубину, на какую только хватит глаз.

Так что держи глаза открытыми и не забывай чистить уши.

62.

Нужна некая необходимая степень серьезности для того, чтобы картина стала явлением, чтобы она заняла хотя бы скромное место в жизни каждого, кто увидит ее. Есть картины, помогающие веселиться и отдыхать, острить или умствовать, а есть картины, помогающие попросту оставаться в живых.

Бамбук на раскрашенной декоративной циновке почти ничем не отличается от рисунка средневекового мастера, но который из двух перевернет твое сердце?

63.

Искусство дает тебе драгоценную возможность во всем оставаться собой и обращаться всегда к тому зрителю и собеседнику, который тебе самой представляется идеальным. Ему ты можешь доверять, с ним легко быть предельно искренней. И, право же, для него стоит постараться. Пусть не сегодня, но когда-нибудь именно тот, к кому ты обращалась, обязательно встанет перед твоей картиной, чтобы все понять и все узнать, и, возможно, чем-нибудь ответить.

64.

Чтобы не выглядеть безликой сестрой тысяч и миллионов других подобных, картине полагается содержать в себе элемент шока, в ней должно быть нечто раздражающее, своя отличительная черта индивидуальности. Я не имею в виду намеренной эксцентричности с использованием искусственных средств. В лучшем случае шокирующий эффект производят уже самостоятельность и зрелость твоих суждений (если они у тебя есть, разумеется), твоя система взглядов, твоя трактовка действительности. Не советую гнаться за скандальностью (это для тех, кто сам не верит в то, что делает), но ни к чему и стараться адаптироваться к общему мнению. Не огорчайся, если коллеги тебя не одобряют. Настоящее искусство избегает коллективных санкций, и его будущее во все эпохи решается руками одиночек.

Зрительскому благодушию полезно время от времени встряхнуться. Можешь не стесняться дразнить терпение публики и испытывать всеядность ее вкуса, избегай только делать это самоцелью, если, конечно, ты не нацелена на работу в рекламном агентстве. Привлечь внимание любой ценой — не твоя идея-фикс, надеюсь. Припоминаю, что ты хотела от творчества намного, намного большего...

* *
*

Здесь, моя дорогая, я, пожалуй, прерву свои нравоучения. Я могла бы оставаться с тобой бесконечно, но, увы, меня ждут и другие дела. Впрочем, какая разница, чем я буду заниматься? Сказанное все равно остается в силе — можно заменить слова, поменять их местами или перевернуть обратной стороной. А можно вовсе ничего не говорить. Так что дам тебе, пожалуй, еще один совет: забудь поскорее все, что здесь услышала, выкинь из головы всяческие поучения и отправляйся-ка своей дорогой.

А поговорить мы еще успеем — только дай знать, когда снова этого захочешь.